

Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодёжи*

Искэндэр Ясавеев

Доктор социологических наук, старший научный сотрудник
Центра молодёжных исследований

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 190008

E-mail: yasaveyev@gmail.com

В статье представлены результаты исследования риторики российских властей в отношении молодёжи в течение последних четырех лет. В основе анализа находится конструкционистская исследовательская программа Питера Ибарры и Джона Китсьюза, высвечивающая четыре измерения дискурса социальных проблем: риторические идиомы, лейтмотивы, стили конструирования проблем, контрриторические стратегии. Автор сосредоточивается на выявлении лейтмотивов властной риторики в отношении молодёжи: повторяющихся конструкций, выражающих главные аспекты проблематизируемых ситуаций и реакции на них. Анализ риторики подтверждает предположение о прагматичном отношении российской властной элиты к молодёжи. Властями проблематизируется предполагаемое внешнее воздействие на молодых людей, тогда как ряд ситуаций: ограниченность жизненных шансов молодёжи, распространение ВИЧ/СПИДа, репрессивность уголовной политики и пр. статуса проблемы не имеет. Изучение выступлений президента, государственных программ, докладов и отчетов правительства России показывает, что лейтмотивами властной риторики в отношении молодёжи являются «угроза», «защита» и «традиционные ценности». Власти активно используют конструкцию «традиционные ценности», способствующую конформизму и сохранению «стабильности», без определения того, какие именно традиции российских культур кладутся в их основание. Эти ценности объявляются «истинными» и противопоставляются «квазиценностям» без прояснения принципов такого деления. Выявлены сдвиги во властной трактовке «национальной идеи» — от конкурентоспособности страны к патриотизму, а также патриотизма — от «любви к Отечеству», к готовности защищать государство военными средствами.

Ключевые слова: власть, молодёжь, молодёжная политика, риторика, дискурс, конструкционизм, патриотизм, традиционализм

О том, что молодёжь находится в фокусе внимания российских властей, свидетельствуют специальные государственные программы, проводятся молодёжные форумы, встречи и другие мероприятия, в том числе с участием Президента России. Такое внимание имеет, скорее всего, прагматический характер, связанный с тем, что участниками революций в Грузии и Украине и протестных акций в России

© Ясавеев И. Г., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-49-67

* Статья подготовлена по материалам исследования, которое проводится за счет гранта Российского научного фонда (проект «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодёжные культурные сцены российских городов» № 15-18-00078) в Центре молодёжных исследований Высшей школы экономики.

в 2011–2012 гг. были в основном молодые люди. Российские власти обеспокоены потенциалом протестных действий молодёжи и пытаются нейтрализовать его посредством политики.

Хронологические рамки нашего исследования — с мая 2012 по май 2016 г. — определялись третьим президентским сроком Владимира Путина. Протестные акции в России конца 2011 — начала 2012 г. и события в Украине, включая аннексию Крыма, привели к изменению «повестки дня» властей, переопределению рисков и соответствующим изменениям во внутренней политике. Молодёжной проблематике посвящен ряд выступлений Владимира Путина, правительством России утверждены «Основы государственной молодёжной политики РФ на период до 2025 года», определены основные направления деятельности Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь), само агентство с 2015 г. выпускает ежегодные доклады о положении молодёжи в России и реализации государственной молодёжной политики. В конце 2015 г. правительством России утверждена очередная пятилетняя программа «патриотического воспитания граждан Российской Федерации» на 2016–2020 гг., ориентированная прежде всего на молодёжь.

Измерения риторики: идиомы и лейтмотивы

Настоящая работа выполнена в рамках конструкционистского подхода к социальным проблемам, сосредоточивающегося на проблематизирующей и депроблематизирующей риторике, в результате которой некая предполагаемая ситуация наделяется статусом социальной проблемы или лишается его (Spector, Kitsuse, 1977; Schneider, 1985; Best, 1995; Holstein, Miller, 2003; Loseke, 2003; Holstein, Gubrium, 2008; Ясавеев, 2007; Полач, 2010). Социальные проблемы с этой точки зрения — выдвижение требований изменить ситуацию. Строгий конструкционистский анализ фокусируется исключительно на риторике, отказываясь от каких-либо предположений о характере, масштабе, последствиях и даже о самом существовании ситуаций, в отношении которых разворачивается риторика. Конструкционизм позволяет выявлять цели, формы и стратегии конструирования социальных проблем и депроблематизации ситуаций, риторические ходы, которые используют участники, обосновывающие необходимость каких-либо действий или отказ от них.

Конструкционистские рамки исследования означают, что мы не выдвигаем предположений о том, соответствует ли риторика властей «реальности» и принимаемым ими действиям. Строгие конструкционисты отказываются от утверждений о самих ситуациях, применительно к которым разворачивается проблематизирующая или депроблематизирующая риторика. Такого рода утверждения сами по себе являются формой конструирования социальных проблем или «непроблем», т. е. неявно переводят социолога из позиции аналитика в позицию участника.

Теоретическим основанием работы является исследовательская программа П. Ибарры и Дж. Китсьюза (Ибарра, Китсьюз, 2007), высвечивающая четыре измерения конструирования социальных проблем: 1) риторические идиомы — дефиниционные комплексы, посредством которых вырабатывается проблематичный статус ситуаций; 2) лейтмотивы — фигуры речи, выражающие главный аспект социальной проблемы или её динамику; 3) стили конструирования проблем: научный, комический, театральный, гражданский, правовой или субкультурный; 4) контрриторика — дискурсивные стратегии противодействия конструированию проблемы. Наше исследование сосредоточено на идиомах и лейтмотивах властной риторики в отношении молодёжи.

Ибарра и Китсьюз указывают, что одна из задач социального конструкционизма состоит в объяснении применения риторических идиом — способов проблематизации ситуаций. Риторические идиомы обеспечивают участников дискурсивными материалами, позволяющими структурировать и придавать безотлагательный характер их требованиям (Ибарра, Китсьюз, 2007: 73). Каждая риторическая идиома предполагает или задействует группу образов и обладает соответствующим словарем. Конструкционисты описывают такие идиомы, как риторика утраты, риторика наделения правом, риторика опасности, риторика неразумности и риторика бедствия.

Ключевыми для риторики утраты являются термины «красота», «природа», «наследие», «культура», «загрязнение», «упадок», «защита». Словарь риторики наделения правом состоит из таких терминов, как «нетерпимость», «угнетение», «сексизм», «расизм», «дискриминация по возрасту», «жизненный стиль», «различия», «выбор», «терпимость», «предоставление возможностей», «мультикультурный» и др. Риторика опасности включает в себя слова «болезнь», «патология», «эпидемия», «риск», «заражение», «угроза здоровью», «профилактика». При проблематизации эксплуатации, манипулирования, «промывания мозгов» обычно используется риторика неразумности с ключевыми терминами «наивность», «доверчивость», «необразованность», «уязвимость», «легкая добыча». Как отмечают Ибарра и Китсьюз, риторика неразумности задействует образы манипуляции и заговора. В свою очередь, риторика бедствия состоит из метафор и практик аргументации, актуализирующих образ полной катастрофы (Ибарра, Китсьюз, 2007: 74–84).

Помимо специфического словаря, характерного для той или иной идиомы, существует общий кроссидиоматический словарь, используемый при конструировании проблемы или депроблематизации ситуации. Это измерение конструирования социальных проблем обозначается в качестве лейтмотивов. Примерами лейтмотивов являются «чума XXI века», «кризис», «трагедия», «бомба с заведенным часовым механизмом», «угроза», «верхушка айсберга» (Ибарра, Китсьюз, 2007: 93–94).

Исследование, основанное на понятии лейтмотивов, отмечают Ибарра и Китсьюз, позволяет сосредоточиться на том, каким образом развиваются и обретают

«точную настройку» термины дискурса социальных проблем и как определяется их символический подтекст. «Эти факторы в большей степени касаются политики, эпистемики и поэтики описания, т. е. артикуляции, нежели „онтологии описываемого“» (Ибарра, Китсьюз, 2007: 96). Изучение лейтмотивов, по мнению конструкционистов, даёт возможность понять действия участников, когда они выдвигают требования или противодействуют им.

Исследовательская программа Ибарры и Китсьюза использовалась при анализе таких проблем, как стокгольмский синдром, эвтаназия, гламур, насилие в полиции, потребление наркотиков (Adorjan et al., 2012; Богомягкова, 2010; Ним, 2010; Кольцова, Ясавеев, 2013; Ясавеев, 2016).

Риторика властей, в частности Владимира Путина в течение его первого срока президентства, изучалась М. Горхэмом (Gorham, 2005), который выделил ряд лингвистических профилей этого российского президента: «технократ», «деловой», «силовик», «мужик» и «патриот», отмечая также возможность возникновения нового речевого жанра молчания. Можно предположить, что в отношении молодёжи со стороны Путина задействуется профиль «патриота».

Риторика патриотического воспитания молодёжи исследовалась Е. Омельченко, указавшей на характерные для этой риторики заимствования из советского/позднесоветского подхода, а именно объективацию и унификацию молодёжи как группы, которая нуждается в контроле, регулировании и моральном исправлении (Омельченко, 2012: 275). Значимые выводы о «спуске» ценностей традиции и конформизма на уровень российских учебников для старшеклассников, прежде всего учебников истории и обществознания, и использовании в них образа государства-защитника получены Лидией Окольской в её исследовании ценностного содержания российской программы среднего образования (Окольская, 2012).

В рамках нашего исследования в качестве участников процессов конструирования проблем и депроблематизации ситуаций рассматриваются представители исполнительной власти в России. Вопросы, сформулированные нами по поводу властной риторики в отношении молодёжи, заключаются в следующем: каким образом типизируется молодёжь; какие риторические ходы используются властями; что проблематизируется, а что остается за рамками проблематизации; что обозначается как вызовы, риски и угрозы и предлагается в качестве ответов на эти угрозы и вызовы; каковы лейтмотивы властного «молодёжного» дискурса, какие риторические идиомы используются при этом российскими властями, какие образы задействуются данными лейтмотивами.

Были проанализированы тексты выступлений Владимира Путина в течение его третьего президентского срока, отобранные по наличию ключевых слов «молодёжь», «молодёжный», «молодые», стенографические отчёты заседаний советов при Президенте России, касавшихся молодёжи, государственные программы, доклады и отчёты правительства России и Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь), которые размещены на официальных сайтах (kremlin.ru, government.ru, fadm.gov.ru).

К лейтмотивам властной риторики мы относили регулярно встречающиеся конструкции, используемые в одном контексте с темами, касающимися молодёжи, сопоставляя эти конструкции со словарями риторических идиом, разработанными Ибаррой и Китсьюзом, и пытаюсь определить таким образом ключевые аспекты создаваемых властями смыслов в отношении молодёжи. Основным критерием выделения лейтмотивов служила их повторяемость. В ходе анализа выявлялись также устойчивые связки лейтмотивов, такие, например, как «защита» и «традиционные ценности».

«Проблемный фактор», трудные жизненные ситуации и неконструируемые проблемы

Важный аспект риторики в отношении молодёжи — проблематизация тех или иных явлений. В данном случае важно выяснить, какие феномены определяются властными структурами в качестве проблем. В одном из ключевых документов, утвержденных правительством в 2014 году — «Основах государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года», наряду с размытыми формулировками¹ встречаются прямые указания на «проблемный фактор». Это понятие используется в единственном числе, причём проблематизируется не положение молодёжи, её жизненные шансы, а «воздействие» на неё: «Проблемным фактором является деструктивное информационное воздействие на молодёжь, следствием которого в условиях социального расслоения, как показывает опыт других стран, могут стать повышенная агрессивность в молодёжной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе» (Правительство РФ, 2014). Не обозначаются субъекты, то есть не конкретизируется, кто воздействует и каким образом.

Конструирование проблемы «воздействия» сопровождается репрезентацией «успешных зарубежных практик». Очевидно, что выбор практик, которые определяются как заслуживающие внимания, свидетельствует о предпочитаемых действиях. В правительственных документах акцент делается, в частности, на «японском» опыте «ограничения доступа молодёжи к небезопасным и нежелательным интернет-сайтам» (Росмолодёжь, 2015а).

В ежегодном докладе Росмолодёжи используется понятие трудной жизненной ситуации, определяемой как «ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность человека, которую он не может преодолеть самостоятельно». К таким ситуациям Федеральное агентство относит следующее. Во-первых, положение молодых людей, оказавшихся в местах заключения или вышедших из них. Во-вторых, потребление наркотиков: «Согласно данным ООН, процент российского населения, вовлечённого в злоупотребление опиатами, в 5–8 раз превышает показатель стран

1. Примером может быть следующее предложение: «Существует тенденция нарастания негативно-го влияния целого ряда внутренних и внешних факторов, повышающих риски роста угроз ценностного, общественного и социально-экономического характера» (Правительство РФ, 2014).

ЕС. Ежегодно в России появляется не менее 80 тыс. новых наркоманов» (Росмолодёжь, 2015а). В-третьих, участие в группах и движениях «антиобщественного и экстремистского характера». В-четвёртых, совершение различного рода правонарушений.

Все обозначенные «трудные жизненные ситуации» связаны исключительно с нарушением норм. Кроме того, Федеральное агентство по делам молодёжи использует в отношении потребления наркотиков ту же стратегию конструирования широко распространённой проблемы, что и Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков (Ясавеев, 2016: 13), включаясь, таким образом, в «войну с наркотиками».

Не менее значим, на наш взгляд, вопрос о том, что не проблематизируется во властном дискурсе в отношении молодёжи. Анализ «неконструируемых проблем» и понимание того, почему ряд ситуаций не определяется в качестве социальных проблем, предлагается некоторыми исследователями в качестве одного из возможных направлений развития конструкционизма (Бест, 2007: 49–50). Существует множество вопросов, касающихся молодёжи, которые могли бы проблематизироваться, но отсутствуют во властной «повестке дня». Возможность такой проблематизации связана с наличием экспертных, медийных и статистических конструкций ситуаций. Например, в рассмотренных правительственных документах, выступлениях Президента России, в программах и докладах Росмолодёжи и региональных программах молодёжной политики нет каких-либо утверждений и даже упоминаний о распространении ВИЧ/СПИДа. Между тем, согласно статистическим данным, число зарегистрированных россиян, живущих с ВИЧ, превышает миллион человек, а распространённость ВИЧ в возрастной группы 25–29 лет составляет более 1% (Федеральный центр СПИД, 2015: 49).

Внешняя угроза и милитаризация риторики

Одним из лейтмотивов властного дискурса является *внешняя угроза*. Он представлен такими конструкциями, как «борьба за умы», «манипуляция сознанием», «навязывание норм и ценностей», «провоцирование конфликтов», «информационное противоборство», «срежиссированная пропагандистская атака», «геополитическое соперничество». При этом, как и в случае с проблематизацией «информационного воздействия», субъект внешней угрозы в официальной риторике не конкретизируется.

Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды — это сфера жёсткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но противоборства — это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. И это никакие не фобии, ничего я здесь не придумываю, так оно и есть на самом деле. Это как минимум одна из форм конкурентной борьбы. Попытки вли-

ять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий — это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна. (Путин, 2012)

В одном контексте с лейтмотивом внешней угрозы используется лейтмотив *защиты*. Молодёжь понимается, с одной стороны, как объект защиты от различного рода «внешних» воздействий в связи с её уязвимостью, а с другой — на неё возлагаются надежды по защите страны. Официальная риторика эти варианты определения объекта защиты, как правило, сочетает. Наряду с необходимостью защиты молодёжи подчеркиваются приоритеты «защиты страны», «защиты интересов Отечества», «обеспечения суверенитета родной державы», «сильной и независимой Российской Федерации».

В мире, к сожалению, — собственно говоря, так было практически всегда — идёт жёсткая борьба за умы, за идеологическое и информационное влияние. С целью ослабить те или другие страны, создать для себя более выгодные конкурентные преимущества и в политике, и в экономике искусственно провоцируются конфликты, так или иначе связанные с национальными проблемами. Нам нужна постоянная, системная работа, которая защитила бы страну, нашу молодёжь от этих рисков, служила укреплению гражданской солидарности и межнационального согласия. (Путин, 2014а)

Необходимость подготовки молодых людей, готовых защищать страну, сформулирована в качестве одного из приоритетов государственной молодёжной политики (Правительство РФ, 2014). Это же акцентируется в официальной Стратегии развития воспитания в России на период до 2025 года, ориентированной на детей: «Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» (Правительство РФ, 2015б).

Идея защиты доминирует в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (Правительство РФ, 2015а). Её сравнение с предыдущими пятилетними программами позволяет сделать вывод о *милитаризации* патриотизма в его интерпретации властями.

Один из основных предполагаемых результатов программы 2016–2020 гг. сформулирован следующим образом: «Обеспечение формирования у молодёжи моральной, психологической и физической готовности к защите Отечества, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой гражданской ответственности». Выражение «в условиях мирного и военного времени», дважды встречающееся в программе, использовано в описаниях патриотического воспитания впервые.

В отличие от предыдущих пятилетних программ (см.: Омельченко, 2012: 274–280), прилагательные «военный» и «воинский» в разных сочетаниях — «военно-патриотический», «военная служба», «военное время» и пр. — используются в концептуальной части программы патриотического воспитания 2016–2020 гг. несколько десятков раз. Предлагается, например, такое новшество, как «развитие практики шефства воинских частей над образовательными организациями». Характерно, что в предыдущих программах предусматривалось лишь «шефство» над воинскими частями, речь в них шла об «участии учреждений культуры, общественных организаций (объединений), представителей творческой интеллигенции в военно-шефской работе, направленной на приобщение военнослужащих к богатствам российской и мировой культуры» (Правительство РФ, 2005).

В программе патриотического воспитания 2016–2020 гг. встречается новое направление — развитие волонтерского движения, но вместе с тем отсутствует внимание к трудовой деятельности. Слова «труд» и «трудовой» используются лишь несколько раз — в конструкциях «готов к труду и обороне» и «шефство трудовых коллективов над воинскими частями». В отличие от действующей программы, в предыдущих программах патриотического воспитания говорилось о сохранении и развитии «славных боевых и трудовых традиций» (Правительство РФ, 2001), привлечении трудовых коллективов к участию в патриотическом воспитании (Правительство РФ, 2005), «возрастании социальной и трудовой активности граждан, особенно молодёжи», «развитии системы патриотического воспитания в трудовых коллективах» (Правительство РФ, 2010). Иными словами, из программы патриотического воспитания исключена сфера труда, патриотизм понимается как ориентированный преимущественно на военную службу.

Если исходить из того, что смыслы и контексты, приписываемые патриотизму, могут быть деконструированы через те качества молодёжи, на усиление которых ориентирована система патриотического воспитания (Омельченко, 2012: 275), то можно утверждать, что значение патриотизма сдвигается властями от «любви к Отечеству» к готовности защищать государство военными средствами от внешних и внутренних врагов. При этом российской властной риторике свойственно представление патриотизма как естественной универсальной черты российской молодёжи: «уверен, что в одном мы все едины, мы все — патриоты России» (Путин, 2013б).

В течение своего третьего президентского срока Владимир Путин несколько раз называл патриотизм национальной идеей: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» (Путин, 2016). Между тем на вопросы о национальной идее в России в первой половине 2000-х гг. он отвечал по-другому: «Самая главная идея — обеспечение темпов роста экономики. От этого зависит будущее страны в прямом смысле этого слова. Обеспечение конкурентоспособности страны во всех сферах, во всех областях» (Путин, 2003). Таким образом, милитаризация патриотизма сопровождается представлением его

в качестве национальной идеи и отказом в этом статусе идее конкурентоспособности страны.

Бессодержательный традиционализм

Наряду с милитаризацией риторики, использованием лейтмотивов угрозы и защиты, ещё одной чертой современного властного дискурса в отношении молодёжи является лейтмотив «*традиционные ценности*», что позволяет утверждать следующее: ключевой чертой риторической реакции властей на «угрозы» является традиционализм.

Власти констатируют столкновение российского общества «с глобальными тенденциями и вызовами». Одним из существенных вызовов называется конфликт традиционных и современных ценностей, при этом выбор немедленно, без какого-либо обоснования делается в пользу первых:

В социокультурной сфере существенным вызовом является столкновение традиционных и современных ценностей, что усиливает необходимость сохранения значимости основ российской культуры, знания и уважения к истории, духовным ценностям многонационального народа России, уникального опыта ответственности российских граждан за свою страну, её будущее и будущее всего мира. В информационной сфере тревожная тенденция проявляется в нарастании угроз манипуляции массовым сознанием, навязывании знаний и представлений, норм и ценностей, чуждых российскому менталитету. Важнейшим условием противодействия этим угрозам является формирование у российской молодёжи подлинных духовно-нравственных ориентиров на основе тысячелетней российской культуры и традиций. (Росмолодёжь, 2015а)

Формирование у молодёжи «традиционных семейных ценностей» обозначено в качестве одного из основных направлений деятельности Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодёжь, 2015б). При этом указывается на необходимость внедрения системного подхода для «укрепления традиционных ценностных основ российского общества» (Росмолодёжь, 2015в).

Опираясь на «традиционную для России систему ценностей» при воспитании детей призывают и «Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Одна из государственных задач формулируется следующим образом: «Формирование образа благополучной молодой российской семьи, живущей в зарегистрированном браке, ориентированной на рождение и воспитание нескольких детей, занимающейся их воспитанием и развитием на основе традиционной для России системы ценностей» (Правительство РФ, 2014).

Традиционализм в сочетании с лейтмотивами угрозы и защиты задан Владимиром Путиным, который использовал выражение «традиционные ценности» в одном и том же контексте несколько десятков раз за последние четыре года:

Ганди сказал в своё время: «Я не желаю, чтобы мой дом был обнесён высокой стеной и чтобы мои окна были наглухо заколочены. Я хочу, чтобы волна культуры всех стран свободно проникала в мой дом, но я не желаю, чтобы она захлестнула и сбила меня с ног». Именно такой и должна быть государственная культурная политика нашей страны, приветствующая всё свежее, новое, здоровое и талантливое, но при этом твёрдо стоящая на страже тех ценностей и основ, на которых испокон веков зиждется Россия. (Путин, 2013в)

Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это ни покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» не только ведёт за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлечённых идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии. И мы знаем, что в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира. (Путин, 2013г)

Здоровая семья и здоровая нация, переданные нам предками традиционные ценности в сочетании с устремлённостью в будущее, стабильность как условие развития и прогресса, уважение к другим народам и государствам при гарантированном обеспечении безопасности России и отстаивание её законных интересов — вот наши приоритеты. (Путин, 2014б)

Национальные интересы, свою историю, традиции, наши ценности нужно защищать. (Путин, 2015в)

Однако в выступлениях президента, стратегиях и государственных программах не уточняется, какие традиции имеются в виду. Не уточняется и то, в чём заключается «российский менталитет» или «особенности ментальности народа России». Что означают «подлинные духовно-нравственные ориентиры на основе тысячелетней российской культуры и традиций»?

История российских культур включает в себя множество различных традиций, включая традиции иерархичности, репрессивности, насилия, смертной казни, гендерного неравенства, потребления алкоголя. Если традиции, лежащие в основании «духовно-нравственных ориентиров», не определяются, то возникает

возможность отнесения к ним, в частности, традиций подчинения жён мужьям и телесных наказаний по отношению к детям².

На вопрос о том, на основе каких традиций президент, правительство и Росмолодёжь призывают строить семью и «воспитывать» детей и молодёжь, ответа во властной риторике нет.

В течение изучаемого периода Президент России неоднократно использовал конструкцию «истинные ценности» («настоящие ценности», «подлинные ценности»), которые «необходимо защищать». Например, в 2013 году он заявил, что настоящими, истинными ценностями после распада СССР «могли быть только ценности религиозного характера» (Путин, 2013а). Наряду с этим использовался и термин «квазиценности»: «Для меня важно защитить наше население от некоторых квазиценностей, которые очень сложно воспринимаются нашими гражданами, нашим населением» (Путин, 2013д). Деление на «истинные ценности» и ложные представляется как нечто самоочевидное, не требующее разъяснений. При этом в свойственном ему речевом стиле «мужика» (см.: Gorham, 2005) Путин противопоставляет «истинную культуру» и «субкультуру»:

Мне всё время хочется сказать не «субкультуры», а «суп культуры», суповой набор такой... По поводу проникновения каких-то культурных ценностей к нам из-за границы. Я ничего здесь страшного не вижу, если это истинные культурные ценности. Обмен — это абсолютно нормальный элемент развития. Мы не должны, не можем и не будем замыкаться в каком-то коконе. Но нам нужно научиться отделять истинную культуру от субкультуры, которая не представляет ценности и, наоборот, уводит куда-то в сторону (Путин, 2015б).

Перечислены «истинные ценности» президентом были лишь однажды — в сентябре 2015 года на встрече с воспитанниками и педагогами образовательного центра для одарённых детей «Сириус»: «Сейчас жизнь, безусловно, кардинально изменилась, но истинные ценности — они всегда остаются. Это честность, патриотизм, совесть, любовь, доброта, мужество, достоинство, отзывчивость, ответственность и чувство долга» (Путин, 2015а).

Сходный перечень «духовно-нравственных ценностей» встречается в Стратегии развития воспитания в России на период до 2025 года: «Стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственно-

2. См., например: «Казни сына своего от юности его и покоит тя на старость твою и даст красоту души твоей и не ослабляи бия младенца, аще бо жезлом биеша его не умрет но здравие будет ты бо бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти» (Домострой, 1994: 96). «Подобает поучити мужем жён своих, с любовию и благоразсудным наказанием, жены мужей своих вопрошают о всяком благочинии како душа спасти Богу, и мужу угодити, и дом свои добре строити и во всем ему покарятися, и что муж накажет то с любовию приимати и творити по его наказанию» (Там же: 104).

го долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» (Правительство РФ, 2015б).

Характерно, что среди «истинных ценностей» доминируют ценности ответственности и долга. С другой стороны, в их числе не называется свобода. За рамками обсуждения всякий раз остаются вопросы о том, что служит основанием для объявления одних ценностей истинными, а других — «квазиценностями»? Что даёт основания утверждать, что фундаментом перечисляемых «истинных ценностей» является «тысячелетняя российская культура и традиции»?

Подобным образом конструкции «прогрессивные реформы», «негативные тенденции», «позитивные действия», «созидательное мировоззрение», «культура созидаательных межэтнических отношений», «позитивный потенциал молодёжных неформальных объединений», используемые в официальной риторике в отношении молодёжи, остаются без уточнения, что позитивно, а что негативно, на чём основываются эти оценки, в чём заключаются прогрессивность и созидаательность.

Заключение: сочетание лейтмотивов и риторических идиом

Анализ государственных программ, выступлений Президента России, стенограмм заседаний президентских советов и докладов Росмолодёжи обнаруживает, что в них сочетаются лейтмотивы угрозы, защиты и традиционных ценностей, которые определяют такие черты властного дискурса, как милитаризация и традиционализм без уточнения содержания традиций. Поскольку лейтмотивы являются кросс-идиоматическим словарём, который может использоваться в рамках различных риторических идиом, соединение лейтмотивов угрозы, защиты и традиционных ценностей позволяет предположить, что российские власти используют в отношении молодёжи риторические идиомы *опасности* и *неразумности*. Внешняя угроза, конструируемая официальной риторикой, соответствует образам заговора и манипуляции, центральным для риторики неразумности. Молодёжь типизируется как объект защиты в связи с её уязвимостью и вместе с тем как субъект защиты страны. При этом источник угрозы по отношению как к молодёжи, так и к стране не конкретизируется, за исключением его внешнего характера.

Несмотря на различный формат властной риторики в отношении молодёжи — выступления президента, государственные программы, стратегии и доклады, — постоянно используются одни и те же лейтмотивы. Иными словами, риторика отличается повторяемостью, внутренней согласованностью и отсутствием противоречий.

Анализ властной риторики подтверждает предположение о прагматичном отношении властной элиты к молодёжи. Проблематизируется прежде всего предполагаемое внешнее воздействие на молодёжь. «Трудными жизненными ситуациями» молодёжи объявляется ограниченный круг явлений, связанных исключительно с нарушением норм (правонарушения, «экстремизм», потребление наркотиков), а статистические и экспертные конструкции таких проблем, как рас-

пространение ВИЧ/СПИДа, ограниченность жизненных шансов, репрессивность уголовной политики, лидерство России по уровню подростковых самоубийств и пр., не влияют на приоритеты молодёжной политики.

Властная риторика делает акцент на «традиционных ценностях», способствующих не изменениям, а конформизму и «стабильности», за которыми прочитывается стремление к сохранению властной элитой своих позиций. Эти ценности объявляются «истинными» и противопоставляются «квазиценностям» без прояснения оснований такого деления. Об этом же свидетельствует изменение конструкции «национальная идея» — от конкурентоспособности страны во всех сферах к патриотизму, понимаемому как готовность защищать государство военными средствами от внешних и внутренних врагов.

На наш взгляд, результаты исследования свидетельствуют, что властная риторика в значительной степени является дискурсом проблематизации и депроблематизации, осуществляемых в интересах самих властей. При этом для конструкционистов риторика властей не имеет привилегированного статуса. Это не более чем риторика одних из многочисленных участников «языковых игр в социальные проблемы».

Выражения благодарности

Автор выражает признательность Елене Омельченко и Гюзель Сабировой, благодаря сотрудничеству с которыми возник замысел статьи, а также Яне Крупец, Эльвире Ариф, Галине Негодиной, Святославу Полякову, Елене Тыкановой и анонимному рецензенту данной статьи за ценные замечания, которые были учтены в ходе работы над текстом.

Литература

- Бест Дж.* (2007). Социальные проблемы // *Ясавеев И. Г.* (сост.). Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Пер. с англ. И. Г. Ясавеева. Казань: Изд-во Казанского ун-та. С. 49–50.
- Богомякова Е. С.* (2010). Эвтаназия как социальная проблема: стратегии проблематизации и депроблематизации // *Журнал исследований социальной политики.* Т. 8. № 1. С. 33–52.
- Домострой.* (1994). СПб.: Наука.
- Ибарра П., Китсьюз Дж.* (2007). Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // *Ясавеев И. Г.* (сост.). Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Пер. с англ. И. Г. Ясавеева. Казань: Изд-во Казанского ун-та. С. 55–114.
- Кольцова О. Ю., Ясавеев И. Г.* (2013). Конструирование проблемы полицейского насилия в российской блогосфере: риторика, лейтмотивы и стили // *Журнал социологии и социальной антропологии.* Т. 16. № 3. С. 81–100.

- Ним Е. Г. (2010). О социологах, телеведущих, рыцарях и чучелах: деконструкция медиадискурса социальных проблем // Журнал исследований социальной политики. Т. 8. № 1. С. 13–32.
- Окольская Л. А. (2012) Жизненные ценности в учебниках для старшей школы // Вопросы образования. № 1. С. 93–125.
- Омельченко Е. Л. (2012). Как научить любить Родину? Дискурсивные практики патриотического воспитания молодёжи // Омельченко Е., Пилкингтон Х. (ред.). С чего начинается Родина: молодёжь в лабиринтах патриотизма. Ульяновск: Ульяновский государственный университет. С. 261–310.
- Полач Д. (2010). Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. Т. 8. № 1. С. 7–12.
- Правительство РФ. (2001). Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг. URL: <http://base.garant.ru/1584972> (дата доступа: 11.05.2016).
- Правительство РФ. (2005). Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг. URL: <http://base.garant.ru/188373> (дата доступа: 10.05.2016).
- Правительство РФ. (2010). Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг. URL: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (дата доступа: 14.05.2016).
- Правительство РФ. (2014). Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата доступа: 05.05.2016).
- Правительство РФ. (2015а). Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы. URL: <http://government.ru/docs/21341> (дата доступа: 10.05.2016).
- Правительство РФ. (2015б). Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета. 8 июня. URL: <http://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата доступа: 10.05.2016).
- Путин В. В. (2003). Беседа с финалистами конкурса «Мой дом, мой город, моя страна» 5 июня 2003 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22021> (дата доступа: 11.05.2016).
- Путин В. В. (2012). Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи 12 сентября 2012 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата доступа: 10.05.2016).
- Путин В. В. (2013а). Интервью к фильму «Второе крещение Руси» 23 июля 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18872> (дата доступа: 10.05.2016).
- Путин В. В. (2013б). Встреча с участниками Молодёжного форума «Селигер» 2 августа 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18993> (дата доступа: 10.05.2016).
- Путин В. В. (2013в). Выступление на заседании Совета по культуре и искусству 2 октября 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19353> (дата доступа: 13.05.2016).

- Путин В. В. (2013г). Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата доступа: 13.05.2016).
- Путин В. В. (2013д). Пресс-конференция 19 декабря 2013 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19859> (дата доступа: 10.05.2016).
- Путин В. В. (2014а). Выступление на заседании Совета при Президенте России по международным отношениям 3 июля 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46144> (дата доступа: 10.05.2016).
- Путин В. В. (2014б). Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата доступа: 13.05.2016).
- Путин В. В. (2015а). Выступление на праздновании Дня знаний с воспитанниками и педагогами образовательного центра для одарённых детей «Сириус» 1 сентября 2015 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/50216> (дата доступа: 10.05.2016).
- Путин В. В. (2015б). Встреча с лауреатами всероссийского конкурса «Учитель года России» 8 октября 2015 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50466> (дата доступа: 10.05.2016).
- Путин В. В. (2015в). Послание Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата доступа: 13.05.2016).
- Путин В. В. (2016). Встреча с активом Клуба лидеров 3 февраля 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263> (дата доступа: 11.05.2016).
- Росмолодёжь. (2015а). Молодёжь и молодёжная политика в России в контексте глобальных тенденций: доклад о положении молодёжи и реализации государственной молодёжной политики в Российской Федерации». URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/154e46dc7d4ba9b7105ef8a9ef7b453d.docx> (дата доступа: 05.05.2016).
- Росмолодёжь. (2015б). Приказ Росмолодёжи № 42 от 2 апреля 2015 г. URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/c8f851bb292e99d253f6833ea623accb.pdf> (дата доступа: 10.05.2016).
- Росмолодёжь. (2015в). Отчёт об итогах деятельности Федерального агентства по делам молодёжи за 2014 год и планах на 2015 год. URL: <http://rosmetod.ru/files/pdf/2015/03/31/18-18-43-otchet-rosmolodezh-.pdf> (дата доступа: 15.05.2016).
- Федеральный центр СПИД. (2015). ВИЧ-инфекция: информационный бюллетень. № 40. URL: http://hivrussia.ru/files/bul_40.pdf (дата доступа: 10.05.2016).
- Ясавеев И. Г. (сост.). (2007). Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Пер. с англ. И. Г. Ясавеева. Казань: Изд-во Казанского ун-та.
- Ясавеев И. Г. (2016). Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования ФСКН проблемы потребления наркотиков // Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 1. С. 7–22.

- Adorjan M., Christensen T., Kelly B., Pawluch D.* (2012) Stockholm Syndrome as Vernacular Resource // *Sociological Quarterly*. Vol. 53. № 3. P. 454–474.
- Best J.* (ed.). (1995). *Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems*. Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Gorham M. S.* (2005). Putin's Language // *Ab Imperio*. № 4. P. 381–401.
- Holstein J. A., Gubrium J. F.* (eds.). (2008). *Handbook of Constructionist Research*. New York: Guilford.
- Holstein J. A., Miller G.* (eds.). (2003). *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Loseke D. R.* (2003). *Thinking about Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*. New Brunswick: Transaction.
- Schneider J. W.* (1985). Social Problems Theory: The Constructionist View // *Annual Review of Sociology*. 1985. Vol. 11. P. 209–229.
- Spector M., Kitsuse J. I.* (1977). *Constructing Social Problems*. Menlo Park: Cummings.

Motifs of Government Rhetoric on Youth in Russia

Iskender Yasaveev

Senior Research Fellow, Centre for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics
Address: Sedova str., 55, corp. 2, Saint-Petersburg, Russia 192148
E-mail: yasaveyev@gmail.com

The article deals with the rhetoric of Russian authorities in relation to youth from May, 2012, the beginning of Vladimir Putin's third presidential term, to May, 2016. The study is based on a constructionist research program of four dimensions of social problems discourse developed by Peter Ibarra and John Kitsuse, rhetorical idioms, motifs, claims-making styles, and counter-rhetorics. The analysis focuses on the identification of the motifs of the power rhetoric in relation to young people, that is, recurrent speech constructions highlighting a central dimension of the problematized situation and the responses to it. The analysis of the rhetoric confirms the assumption about the pragmatic attitude of the Russian ruling elite concerning youth. Authorities problematize an alleged external influence on young people, while a number of situations that could be defined as a problem such as the limited life chances of young people, HIV/AIDS, or repressive criminal policy, etc., do not have the status of the problem. The study of speeches of the president, government programs, and Russian government reports shows that the specific motifs of the authorities' rhetoric in relation to youth are "threat," "protection," and "traditional values" while the permanent features of the power discourse are militarization and traditionalism. The authorities emphasize "traditional values" without specifying what these values are. These values are declared as "true" and opposed to "quasi-values," without clarifying the principles of such division. The shifts in the interpretation of the "national idea" from the competitiveness of the country to patriotism, and in the interpretation of patriotism from the "love for Motherland" to the readiness to defend the state by military means, are revealed.

Keywords: power, authorities, youth, youth policy, rhetoric, discourse, constructionism, patriotism, traditionalism

References

- (1994) *Domostroi* [Domostroy], Saint Petersburg: Nauka.
- Adorjan M., Christensen T., Kelly B., Pawluch D. (2012) Stockholm Syndrome as Vernacular Resource. *Sociological Quarterly*, vol. 53, no. 3, pp. 454–474.
- Best J. (ed.) (1995) *Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems*, Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Best J. (2007) Sotsial'nye problemy [Social Problems]. *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social Problems: Constructionist Reading] (ed. I. Yasaveev), Kazan: Kazan University Press, pp. 26–54.
- Bogomyagkova E. (2010) Evtanaziya kak sotsial'naya problema: strategii problematizatsii i deproblematizatsii [Euthanasia as a Social Problem: Strategies of Problematicization and Deproblematicization]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 33–52.
- Federal AIDS Center (2015) VICH-infektsiya: informatsionnyy byulleten'. № 40 [HIV-Infection: Informational Bulletin, no 40]. Available at: http://hivrussia.ru/files/bul_40.pdf (accessed 10 May 2016).
- Gorham M. S. (2005) Putin's Language. *Ab Imperio*, no. 4, pp. 381–401.
- Holstein J. A., Gubrium J. F. (eds.) (2008) *Handbook of Constructionist Research*, New York: Guilford.
- Holstein J. A., Miller G. (eds.) (2003) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*, Hawthorne: Aldine de Gruyter.
- Ibarra P. R., Kitsuse J. I. (2007) Diskurs vydvizheniya utverzhdeniy-trebovaniy i prostorechnye resursy [Claims-Making Discourse and Vernacular Resources]. *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social Problems: Constructionist Reading] (ed. I. Yasaveev), Kazan: Kazan University Press, pp. 55–114.
- Koltsova O., Yasaveev I. (2013) Konstruirovaniye problemy politseyskogo nasiliya v rossiyskoy blogosfere: ritorika, leytmotivy i stili [Constructing the Police Violence Problem in the Russian Blogosphere: Rhetoric, Motifs and Claim-Making Styles]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 16, no. 3, pp. 81–100.
- Loseke D. R. (2003) *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*, New Brunswick: Transaction.
- Nim E. (2010) O sotsiologakh, teledvedushchikh, rytsaryakh i chuchelakh: dekonstruktsiya mediadiskursa sotsial'nykh problem [About Sociologists, TV Presenters, Knights and Scarecrows: Deconstruction of Social Problems by Media Discourse]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 13–32.
- Okolskaya L. (2012) Zhiznennyye tsennosti v uchebnikakh dlya starshey shkoly [Life Values in Textbooks for High School]. *Educational Studies*, no. 1, pp. 93–125.
- Omelchenko E. (2012) Kak nauchit' lyubit' Rodinu? Diskursivnye praktiki patrioticheskogo vospitaniya molodezhi [How to Learn to Love Homeland?: Discursive Practices of Patriotic Raising of Youth]. *S chego nachinaetsya Rodina: molodezh' v labirintakh patriotizma* [Where Homeland Begins: Youth in the Labyrinths of Patriotism] (eds. E. Omelchenko, H. Pilkington), Ulianovsk: Ulianovsk State University, pp. 261–310.
- Pawluch D. (2010) Sotsial'nye problemy s konstruksionistskoi tochki zreniia [Social Problems from the Constructionist Point of View]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 7–12.
- Putin V. (2003) Beseda s finalistami konkursa "Moy dom, moy gorod, moya strana" 5 iyunya 2003 goda [Meeting with the Finalists of the Student Essay Competition "My Home, My City, My Country", June 5, 2003]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/22021> (accessed 11 May 2016).
- Putin V. (2012) Vstrecha s predstaviteleyami obshchestvennosti po voprosam patrioticheskogo vospitaniya molodezhi 12 sentyabrya 2012 goda [Meeting with public representatives on patriotic education for young people, September 12, 2012]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/16470> (accessed 10 May 2016).
- Putin V. (2013a) Interv'y u k fil'mu "Vtoroe kreshchenie Rusi" 23 iyulya 2013 goda [Interview for the Documentary Film "The Second Baptism of Rus", July 23, 2013]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/18872> (accessed 10 May 2016).

- Putin V. (2013b) Vstrecha s uchastnikami Molodezhnogo foruma "Seliger" 2 avgusta 2013 goda [Meeting with Seliger 2013 National Youth Education Forum Participants, August 2, 2013]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/18993> (accessed 10 May 2016).
- Putin V. (2013c) Vystuplenie na zasedanii Soveta po kul'ture i iskusstvu 2 oktyabrya 2013 goda [Meeting of the Council for Culture and Art, October 2, 2013]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/19353> (accessed 13 May 2016).
- Putin V. (2013d) Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2013 goda [Presidential Address to the Federal Assembly, December 12, 2013]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/19825> (accessed 13 May 2016).
- Putin V. (2013e) Press-konferentsiya 19 dekabrya 2013 goda [News Conference of Vladimir Putin, December 19, 2013]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/19859> (accessed 10 May 2016).
- Putin V. (2014a) Vystuplenie na zasedanii Soveta pri Prezidente Rossii po mezhnatsional'nym otnosheniyam 3 iyulya 2014 goda [Address at the Meeting of the Council for Interethnic Relations, July 3, 2014]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/46144> (accessed 10 May 2016).
- Putin V. (2014b) Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 4 dekabrya 2014 goda [Presidential Address to the Federal Assembly, December 4, 2014]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/47173> (accessed 13 May 2016).
- Putin V. (2015a) Vystuplenie na prazdnovanii Dnya znaniy s vospitannikami i pedagogami obrazovatel'nogo tsentra dlya odarennykh detey "Sirius" 1 sentyabrya 2015 goda [Address at Knowledge Day Celebrations with Teachers and Students of Sirius Educational Centre, September 1, 2015]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/50216> (accessed: 10 May 2016).
- Putin V. (2015b) Vstrecha s laureatami vserossiyskogo konkursa "Uchitel' goda Rossii" 8 oktyabrya 2015 goda [Meeting with Winners of Teacher of the Year National Competition, October 8, 2015]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50466> (accessed 10 May 2016).
- Putin V. (2015c) Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 3 dekabrya 2015 goda [Presidential Address to the Federal Assembly, December 3, 2015]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50864> (accessed 13 May 2016).
- Putin V. (2016) Vstrecha s aktivom Kluba liderov 3 fevralya 2016 goda [Meeting with the Core Group of the Leaders Club, February 3, 2016]. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/51263> (accessed 11 May 2016).
- Rosmolodezh (2015) Molodezh' i molodezhnaya politika v Rossii v kontekste global'nykh tendentsiy: доклад Federal'nogo agentstva po delam molodezhi o polozhenii molodezhi i realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [Youth and Youth Policy in Russia in the Context of Global Tendencies: Report of Federal Agency for Youth Affairs about the Situation of Youth and the Realization of Youth Policy in Russian Federation]. Available at: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/154e46dc7d4ba9b7105ef8a9ef7b453d.docx> (accessed 5 May 2016).
- Rosmolodezh (2015) Prikaz Rosmolodezhi №42 ot 2 aprelya 2015 goda [Decree of Rosmolodezh №42 from April 2, 2015]. Available at: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/c8f851bb292e99d253f6833ea623accb.pdf> (accessed 10 May 2016).
- Rosmolodezh (2015) Otchet ob itogakh deyatelnosti Federal'nogo agentstva po delam molodezhi za 2014 god i planakh na 2015 god [A Report on the Results of the Federal Agency for Youth Affairs in 2014 and Plans for 2015]. Available at: <http://rosmetod.ru/files/pdf/2015/03/31/18-18-43-otchet-rosmolodezh-.pdf> (accessed 15 May 2016).
- Russian Government (2001) Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2001–2005 gody" [The State Program "Patriotic Education of Russian Citizens 2001–2005"]. Available at: <http://base.garant.ru/1584972/> (accessed 11 May 2016).
- Russian Government (2005) Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2006–2010 gody" [The State Program "Patriotic Education of Russian Citizens 2006–2010"]. Available at: <http://base.garant.ru/188373> (accessed 10 May 2016).

- Russian Government (2010) Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2011–2015 gody" [The State Program "Patriotic Education of Russian Citizens 2011–2015"]. Available at: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (accessed 14 May 2016).
- Russian Government (2014) Osnovy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [The Foundations of State Youth Policy for the Period to 2025]. Available at: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (accessed 5 May 2016).
- Russian Government (2015) Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016–2020 gody" [The State Program "Patriotic Education of Russian Citizens 2016–2020"]. Available at: <http://government.ru/docs/21341/> (accessed 10 May 2016).
- Russian Government (2015) Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [The Strategy of the Development of Education in Russian Federation for the period to 2025]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], no 6693. Available at: <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (accessed 10 May 2016).
- Schneider J. W. (1985) Social Problems Theory: The Constructionist View. *Annual Review of Sociology*, vol. 11, pp. 209–229.
- Spector M., Kitsuse J. I. (1977) *Constructing Social Problems*, Menlo Park: Cummings.
- Yasaveev I. (ed.) (2007) *Sotsial'nye problemy: konstruksionistskoe prochtenie* [Social Problems: Constructionist Reading], Kazan: Kazan University Press.
- Yasaveev I. (2016). Ritorika kontroliruemogo bedstviya: spetsifika konstruirovaniya FSKN problemy potrebleniya narkotikov [The Rhetoric of Controlled Calamity: The Constructing of Drug Use Problem by Russian Federal Drug Control Service]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 7–22.